

ДУХОВНЫЕ ИСТОКИ ТВОРЧЕСТВА А.М.РЕМИЗОВА

Дворцова Н. П., Тюмень

Жизнь крупнейшего прозаика Серебряного века А.М.Ремизова прошла, главным образом, в трех столицах мира: Москве, где он родился; Петербурге, где он стал волхвующим мифотворцем и "юродивым ведуном" (И.А.Ильин) русской литературы, и в Париже, где он в конце концов оказался, покинув Россию в 1921 г. Немалую роль в творческой судьбе Ремизова суждено было сыграть еще одной столице - столице Сибири Тобольску. В Париже, по свидетельству Н.Кодрянской [1], Ремизов, воссоздавая историю своего рода и творя легенду о самом себе, вспоминает о своем великом предке - Семене Ульяновиче Ремезове, гордясь его даром устроителя жизни, его причастностью к петровскому созиданию России. Ремизов вспоминает, в частности, о том, что Семен Ульянович

"поднес Петру карту Сибири". Однако Ремиаов ценит прежде всего художественно-творческий дар аодчего "града каменного" Тобольска, выразившийся, по его мнению, в таланте Ремиаова-картографа, историка, географа и поэта. "Горжусь моим духовным предком Семеном Ульяновичем, - писал Ремиаов, - чувствую свое родство по своему пристрастию к географическим картам... и своему любопытству к истории, к легендам. Думаю и Вам, Семен Ульянович, не будет стыдно, что носили одно прозвище - Ремиаов" [2, С.65].

От своего "духовного предка" Ремиаов унаследовал, хотя и разделяло их два века, дар рисовальщика, "живописных дел мастера", который отличал и других Ремиаовых. "Мастера живописи", - говорил писатель о своих московских предках 18 века [1, С.66]. Родство с тобольским предком проявляется уже во внешнем облике книг Ремиаова, которые он, как и Семен Ульянович, любил украшать рисунками, превращая их в подлинные произведения книжного искусства. Талант Ремиаова - рисовальщика, у которого сохранились тысячи рисунков, общепризнан. Прекрасным рисовальщиком считали его, например, Н.Гончарова и М.Ларионов. Не случайно, создавая свои произведения, Ремиаов сначала рисовал их и только потом - писал.

Духовное родство Ремиаова с тобольским предком сказалось в его даре историка и хранителя древних русских преданий; в том, что главная тема Ремиаова-писателя - тема родины, тема универсальных начал русского духа. По Ремиаову, видевшему в Петровских преобразованиях истоки русской традиции 20 в., считавшему, что "русское забывается в 40-х годах 19 века" [1, С.143], представлялось, что Семен Ульянович был для него частью Святой Руси, которую он превосходно знал и память о которой пытался воплотить во всем своем творчестве, видя свою цель художника в воссоздании древней основы русского мифа, в сохранении "природной словесной дороги" русской литературы. Понимая связь Петровских и большевистских преобразований России, Ремиаов-художник, как и его "духовный предок", выбирает в трагический переломный момент русской истории путь сохранения универсальных основ национального духа, путь созидания и служения отечеству.

В отличие от своего "духовного предка", для которого характерен поистине ренессансный масштаб личности, целостность

духа, органически соединявшего мысль и дело, искусство и науку, религию и жизнь, Ремизов жил в эпоху, когда трагически противостояли друг другу культура и жизнь, культура и религия, жизнь и религия, когда художник стоял перед "дилеммой: быть или творить" [З.С.344]. Эти противоречия Ремизов в поисках целостности духа пытался разрешить парадоксальным, на первый взгляд, способом. Он подчинил свое искусство и свою жизнь (бытовое поведение, отношение к людям и к собственной биографии) одному: художественно-игровому началу.

Ремизов мог превращать в игру почти все явления и факты жизни. Попытка претворить быт в искусство проявилась, например, в его многолетних отношениях с Блоком. [4]. Так, поучительный тон, изначально вялый Ремизовым по отношению к Блоку, был проявлением игры: русский писатель ведет полунемца Блока к России. Блока, как и многих других своих современников (М.Горького, А.Толстого, Е.Замятина, В.Шिशкова и мн.др.), Ремизов вовлекает в самую продолжительную и серьезную свою игру в "Обезвельволпал", которая, возникнув в 1903 г. из детской игры, продолжалась в течение почти всей жизни Ремизова. Сам он занимал при царе обезьянцем Асыке место "царского диака". Вместе с тем образ Асыки 1 был для писателя игровой маской, символическим образом собственной судьбы.

Это становится очевидным, если сопоставить рассказ "Обезьяны" из книги снов Ремизова "Бедовая доля" и рассказ "Асыка" из "Вавилонской Руси". Асыка - сон Ремизова о самом себе, о собственной попытке "вырваться из цепей" жизни; победить ненавистный мир в ослеплении отчаяния, в трагической, смешной и грустной игре.

Художественно-игровой характер отношений Ремизова с миром особенно очевидно проявился в двух произведениях, связанных с его пребыванием в ссылке на русском Севере: это "Полунощное солнце" (1908) и "Иверень" (последняя автобиографическая книга, опубликованная после смерти писателя). Произведения эти, посвященные одной теме, соединяют начало и конец жизни писателя, очерчивают круг его судьбы.

В "Полунощном солнце", на основе зырянской мифологии, открытой Ремизовым на Севере, он создает свой миф о мире, который есть мир страдания и радости. Миф этот, с точки зрения

Ремизова, дает ответ на вопрос о природе зла и причине человеческого страдания. Творению мира, по Ремизову, предшествует иначальная мука бытия. Два творца мира, истомившись в этой муке, решают покончить с собой, но, в момент самоубийства встретив друг друга, через отчаяние они творят мир - двойной мир страдания и радости. Антитезой самоубийству оказывается у раннего Ремизова творчество.

В "Иверене" Ремизов, возвращаясь к началу своей жизни художника, создает новый вариант мифа о мире радости-страдания. Только теперь его творят не зырянские божества, не Бог и Сатанаил, мир рождается из "роковой встречи" сестры и брата - Кручины и Света. В "Иверене" антитеза самоубийства и творчества раннего Ремизова превращается в антитезу самоубийства и игры с судьбой. Подводя итоги жизни, Ремизов видит три русских ответа на вопрос о неизбывной страдальческой судьбе человека: самоубийство и самоубийство. Самоубийство человека и человечества. Ремизов, однако, противопоставляет этим решениям свое, найденное им и осуществленное всей его жизнью художника и человека: принять свою судьбу, но "без судьбы - силы надчеловеческой. Не судьба мною играет, а я своею волей разыгрываю мою судьбу" [5, С. 275]. Оставаясь верным самому себе, "хитрец и потешник" Ремизов сознательно или бессознательно разыгрывает в жизни своей одну из древнейших моделей человеческого поведения. Словами византийского поэта Паллада она выражена так:

Вся жизнь - сцена и игра:

Либо умей играть, отложив серьезность,

Либо сноси боли" [6, С. 435].

Экзистенциально-игровой сюжет судьбы Ремизова свидетельствует о том, что Семен Ульянович Ремезов для писателя - не только далекий "духовный предок", но и недостижимый идеал целостности духа.

ЛИТЕРАТУРА

1. Кондрянская Н. Алексей Ремизов. Париж, 1959.
2. Цит. по: Кондрянская Н. Алексей Ремизов.
3. Бердяев Н.А. Смысл творчества // Бердяев Н.А. Философия свободы. Смысл творчества. М., 1989.
4. См. об этом: Минц Э.Г. Переписка с А.М.Ремизовым.

Вступительная статья //Блок А.А. Новые материалы и исследования. Кн.2. М., 1991.С.75-78.

5. Ремизов А.М. Иверень. Париж, 1986.

6. Цит. по Михайлову А.В. Й.Хейзинга в историографии культуры //Хейзинга Й. Осень средневековья. М., 1988.